

Россия в испанской традиционалистской историографии

© Терещук А.А., 2025

Андрей Андреевич Терещук, PhD, доцент кафедры романской филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
ORCID: 0000-0001-8838-9302 E-mail: san_petersburgo@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу образа России в наиболее известном труде, созданном в рамках традиционалистского направления в историографии испанского карлизма, — «Истории испанского традиционализма» (30 томов). Данная работа была написана авторским коллективом под руководством М. Феррера и опубликована в 1941–1979 гг. Рассматриваются основные тенденции в изображении России в испанской культуре конца XIX – первой половины XX в. Методы критического дискурс-анализа текстов, контекстуального анализа и лингвополитической интерпретации полученных данных позволяют проанализировать упоминания России в «Истории испанского традиционализма»; кроме того, отдельного внимания заслуживают случаи, когда авторы обходят молчанием вопрос о возможном влиянии России на карлизм. В статье показывается, как в первых трех томах, выпущенных в 1941–1942 гг., упоминания о влиянии России на карлистов сводятся к минимуму; данная тенденция объясняется внешнеполитической обстановкой в Европе на момент публикации работы. В последующих томах, опубликованных после 1943 г., авторы положительно оценивают политику России по отношению к карлистскому движению. М. Феррер и его соавторы рассматривают Александра I как идеологического предшественника карлистов, а Николая I — как монарха, последовательно поддерживавшего карлистское движение. «История испанского традиционализма» приводит слухи, обсуждавшиеся на страницах карлистской прессы середины XIX в., о возможной интервенции России в Испанию с целью восстановления «законного» короля или о проекте переноса резиденции римского папы из Рима в Санкт-Петербург. Хотя авторы «Истории испанского традиционализма» в целом положительно оценивают политику Российской империи, они выражают симпатию по отношению к борьбе поляков за независимость. Также критике подвергается революция 1917 г. и политика СССР в Испании в 1930-е гг.

Ключевые слова: Испания, Россия, карлизм, традиционализм, историография, внешняя политика России

Для цитирования: Терещук А.А. (2025) Россия в испанской традиционалистской историографии. *Иberoамериканские тетради*. № 4. С. 37–59. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-4-37-59

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Rusia en la historiografía tradicionalista de España

© Tereshchuk A.A., 2025

Andrei A. Tereshchuk, PhD en Filología Hispánica, Universidad Herzen.

191186, Rusia, San Petersburgo, Moika, 48.

ORCID: 0000-0001-8838-9302

E-mail: san_petersburgo@inbox.ru

Resumen. El artículo está dedicado al análisis de la imagen de Rusia en *Historia del Tradicionalismo Español* (30 tomos), la obra más famosa creada en el marco de la historiografía tradicionalista del carlismo español. Esta obra fue escrita por un grupo de autores dirigido por Melchor Ferrer y publicada entre 1941 y 1979. En el artículo se analiza la imagen de Rusia en la cultura española a finales del siglo XIX y en la primera mitad del siglo XX. Los métodos de análisis crítico del discurso, el análisis contextual y la interpretación lingüopolítica de los datos obtenidos permiten analizar las menciones a Rusia en *Historia del tradicionalismo español*; además, merecen especial atención los casos en los que los autores omiten la cuestión de la posible influencia de Rusia en el carlismo. El artículo muestra cómo en los tres primeros tomos, publicados entre 1941 y 1942, las referencias a una posible influencia rusa en el carlismo se reducen al mínimo. Esta tendencia se atribuye a la coyuntura internacional en Europa en el momento de publicación de la obra. En los tomos posteriores, publicados después de 1943, los autores evalúan positivamente la política de Rusia hacia el movimiento carlista. M. Ferrer y sus coautores consideran a Alejandro I como el predecesor ideológico de los carlistas, y a Nicolás I como un monarca que apoyó consistentemente al movimiento carlista. *Historia del Tradicionalismo Español* cita rumores comentados en las páginas de la prensa carlista a mediados del siglo XIX sobre una posible intervención rusa en España con el objetivo de restaurar al rey «legítimo» o sobre un proyecto para trasladar la residencia del Papa a San Petersburgo. Aunque los autores de *Historia del Tradicionalismo Español* en general evalúan positivamente la política del Imperio Russo, expresan simpatía hacia la lucha de los polacos por la independencia. También se critica la revolución de 1917 y la política de la URSS en España en los años 1930.

Palabras clave: España, Rusia, carlismo, tradicionalismo, historiografía, política exterior rusa

Para citar: Tereshchuk A.A. (2025) Rusia en la historiografía tradicionalista de España, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 4, pp. 37–59. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-4-37-59

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Russia in Spanish Traditionalist Historiography

© Tereshchuk A.A., 2025

Andrei A. Tereshchuk, PhD (Philology), Herzen University.
191186, Russia, St. Petersburg, Moika emb., 48
ORCID: 0000-0001-8838-9302 E-mail: san_petersburgo@inbox.ru

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the image of Russia in the *History of Spanish Traditionalism* (30 volumes), the most relevant work created within the framework of the traditionalist historiography of Spanish Carlism. The *History of Spanish Traditionalism* was written by a team of authors led by Melchor Ferrer and published in 1941–1979. The article examines the main trends in the portrayal of Russia in Spanish culture in the late 19th and early 20th centuries. Such methods as critical discourse analysis, contextual analysis, and linguistic-political interpretation of the data obtained are helpful in analyzing references to Russia in the *History of Spanish Traditionalism*. In addition, it is worth exploring cases where authors abstain from discussing the possible influence of Russia on Carlism. The article shows how the authors first tried to minimize the mentions of the influence of Russia on the Carlists in the first three volumes, published in 1941–1942. This can be attributed to the international situation in Europe at the time when the work was published. In subsequent volumes the authors positively assess Russia's policy towards the Carlist movement. M. Ferrer and his co-authors consider Alexander I as the ideological predecessor of the Carlists, and Nicholas I as a monarch who consistently supported the Carlist movement. *The History of Spanish Traditionalism* cites rumors discussed in the Carlist press in the mid-19th century about a possible Russian intervention in Spain to restore the «legitimate» king or about a project to transfer the Pope's residence from Rome to St. Petersburg. Although the authors of *The History of Spanish Traditionalism* generally have a positive attitude towards the policy of the Russian Empire, at the same time they sympathize with the struggle of Poland for independence. Furthermore, the authors also criticize the revolution of 1917 and the policy of the USSR in Spain in the 1930s.

Key words: Spain, Russia, Carlism, Traditionalism, historiography, Russian foreign policy

For citation: Tereshchuk A.A. (2025) Russia in Spanish Traditionalist Historiography, *Iberoamerican Papers*, no. 4, pp. 37–59. DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-4-37-59

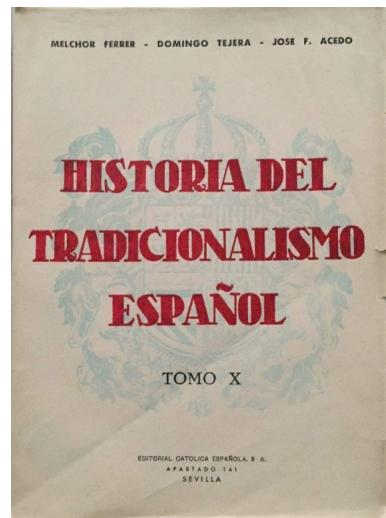
Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Введение

В 1939 г. победой сторонников Ф. Франко (Francisco Franco, 1939–1975) завершилась Гражданская война в Испании (1936–1939 гг.). Одной из сил, поддержавших восстание против Второй республики, стали карлисты — представители консервативного политического движения, сформировавшегося еще в 1833 г.¹ Не добившись успеха в войнах XIX в., карлисты впервые оказались на стороне победителей. Новые реалии, в которых существовало движение после Гражданской войны, обусловили необходимость переосмыслиния всей его предшествующей истории. Уже в 1939 г. появилась впоследствии несколько раз переиздававшаяся монография «История карлизма» («La historia del carlismo») Р. Оярсун (Román Oyarzun Oyarzun, 1882–1968). Еще через два года началась реализация грандиозного проекта — выпуск 30-томной «Истории испанского традиционализма», составленной авторским коллективом под руководством М. Феррера [Ferrer et al., 1941–1979²].

«История испанского традиционализма» («Historia del tradicionalismo español», далее — НТЕ) рассказывает о карлистском движении в 1833–1936 гг. Отметим, что авторы ставят знак равенства между карлизмом и испанским традиционализмом, хотя, строго говоря, в Испании существовал и некарлистский традиционализм [Василенко, 2019: 33]. Труд М. Феррера, Д. Техеры и Х.Ф. Аседо является наиболее яркой работой в рамках традиционалистского направления в историографии карлизма, которое, наряду с «Наваррской школой», или «неотрадиционалистами», играло важную роль в испанской исторической науке в период франкизма [Терещук, 2023а: 20–23].

Создатели НТЕ вдохновлялись известной работой XIX в., созданной в рамках классического направления историографии, — шеститомной «Историей гражданской войны, а также либеральной и карлистской партий» («Historia de la guerra civil, y de los partidos liberal y carlista») А. Пиралы (Antonio Pirala, 1824–1903). Труд А. Пиралы был опубликован в 1856–1858 гг. в пяти томах, но впоследствии был дополнен томом VI, повествующим о регентстве

История испанского традиционализма. Том X

¹ Об идеологии карлистского движения см. работы М. Айусо Торреса, Ю.В. Василенко, С.В. Протасенко, С. Хиббс, Л. Толедано [Айусо Торрес, 2019; Василенко, 2016; Василенко, 2019; Протасенко, 2008; Hibbs-Lissorgues, 2021; Toledano González, 2021]. — Здесь и далее примеч. авт.

² Далее при цитировании «Истории испанского традиционализма» будет указываться номер тома.

Б. Эспарtero (Baldomero Espartero, 1840–1843). М. Феррер и другие авторы неоднократно ссылаются на работу А. Пиралы, подвергая историка XIX в. критике за симпатии к испанскому либерализму. Авторы НТЕ именуют А. Пиралу «Понтием Пилатом» [Ferrer et al., 1941–1979, VI: 146], а собственный труд называют «антиПиралой» («un Anti Pirala») [Ferrer et al., 1941–1979, V: 112].

НТЕ начинается с рассмотрения предпосылок появления карлизма: первые два тома предлагают краткий обзор испанской истории XVIII – начала XIX в. и анализируют основные тенденции развития общественной мысли в Испании в данный период. Тома III–XVII посвящены Первой карлистской войне (1833–1840) — наиболее масштабному конфликту в истории Карлистских войн в Испании. Другой эпизод, которому авторы уделяют большое внимание, — это Вторая карлистская война 1872–1876 гг.: ход конфликта освещается в томах XXIV–XXVII. Изложение исторических событий в НТЕ заканчивается на начале Гражданской войны в Испании и смерти карлистского претендента на престол Альфонсо Карлоса (Alfonso Carlos de Borbón, 1849–1936). В приложениях к каждому тому публикуются документы, относящиеся к истории карлистского движения. Тома («tomos») XXIII, XXVIII и XXX разделены на полутома («volúmenes»): первые полутома содержат собственно исторический нарратив, а вторые представляют собой подборку документов.

НТЕ выпускалась в период франкизма, и закономерно, что М. Феррер и другие авторы выступали с идеологических позиций победителей в Гражданской войне. Карлисты XIX в. представлялись на страницах труда как «настоящие» испанцы, защищавшие христианские ценности от «бездожного» либерализма. Очевидная предвзятость авторов вызывает справедливую критику со стороны современных исследователей [Lawrence, 2014: 7]. В то же время огромный фактологический материал, опубликованные в приложениях подборки документов и обширная библиография способствуют тому, что НТЕ до сих пор используется в научных работах в области истории карлизма. Так, ссылки на труд М. Феррера присутствуют в ряде недавно опубликованных монографий, посвященных карлистскому движению [Терещук, 2023а; Albi de la Cuesta, 2017; Lawrence, 2014; Lawrence, 2017]; отдель-

А. Феррер-Далмай. Атака карлистской кавалерии

но стоит отметить книгу А. Комесаньи, находящуюся на стыке исторической науки и литературоведения и ссылающуюся на НТЕ несколько десятков раз [Comesaña, 2021].

Одним из перспективных направлений в изучении истории карлизма является анализ взаимоотношений между карлистами и Российской империей. Уже во время Первой карлистской войны Россия заняла благожелательную по отношению к дону Карлосу (Carlos María Isidro de Borbón, 1788–1855) позицию и разорвала дипломатические отношения с правительством в Мадриде [Urquijo Goitia, 1988: 609–610]; как можно судить на основании мемуаристики, представители российской политической элиты положительно оценивали руководство карлистского движения [Терещук, 2023а: 165]. В дальнейшем, на протяжении всего XIX в., карлисты воспринимали Россию как потенциального союзника. Достаточно упомянуть пример карлистского «наследника» престола дона Хайме (Jaime de Borbón y Borbón-Parma, 1870–1931), который проходил службу в рядах Русской императорской армии. В 1919 г. в одном из своих писем дон Хайме писал о своей «благодарности Императорской России, чью военную форму я до сих пор имею честь хранить» [Oyarzún, 1969: 492]. Проблема российско-карлистских отношений затрагивается в ряде научных работ [Волосюк, 2015; Терещук, 2023б; Ochoa Brun, 2017: 415–439; Urquijo Goitia, 2018], но в данной теме по-прежнему остается немало «белых пятен». Важным для ее изучения является понимание того, как карлисты воспринимали Россию и какие тенденции доминировали в создании ее образа в традиционалистской историографии.

Методология

В настоящей статье предлагается взглянуть на образ России в НТЕ. Релевантность данного исследования обусловлена не только масштабностью изучаемого материала (30 томов приблизительно по 300 страниц каждый) и его историографической значимостью, но и тем фактом, что автор большей части текста Мельчор Феррер (Melchor Ferrer, 1888–1965)³ был активным участником карлистского движения и много лет являлся личным секретарем дона Хайме. Во время Первой мировой войны (1914–1918) М. Феррер, в отличие от многих других карлистов, занял антигерманскую позицию и даже

Дон Хайме в форме Русской императорской армии

³ Отметим, что последний том вышел через 19 лет после предпоследнего (двадцать девятого) и через 13 лет после смерти М. Феррера.

принял участие в боевых действиях на Западном фронте в составе французского Иностранного легиона. Таким образом, первым автором НТЕ стал человек, посвятивший карлистскому движению всю свою жизнь и при этом проявлявший определенный интерес к нашей стране (по меньшей мере, в силу близости к дону Хайме и участия в войне 1914–1918 гг. на стороне Антанты)⁴.

Обращаясь к методам критического дискурс-анализа текстов, контекстуального анализа и метода лингвополитической интерпретации полученных данных, мы анализируем упоминания России в НТЕ; кроме того, отдельного внимания заслуживают случаи, когда авторы обходят молчанием вопрос о возможном влиянии России на карлизм. В работе были использованы все 30 томов НТЕ, выпущенные в период между 1941 и 1979 гг. В случае если тома («tomos») включают в себя два полутома («volúmenes»), при цитировании дополнительно указывается информация о полутоме.

Естественно, авторы НТЕ создавали свой труд в определенном историко-культурном контексте; на их интерпретацию действительности, в том числе и на восприятие России и ее культуры, влияли их образование и фоновые знания. Для понимания того, как в традиционалистском направлении испанской историографии отражался образ нашей страны, представляется оправданным проанализировать краткий обзор основных тенденций изображения России в испанской историко-литературной традиции в конце XIX – первой половине XX в., т.е. в период, когда происходило профессиональное формирование М. Феррера и его коллег. Авторы НТЕ были участниками карлистского движения, и в тексте их исторического труда отразились идеологические установки карлизма. В связи с этим особенную релевантность приобретает анализ образа России в мемуаристике и в художественных текстах, созданных другими сторонниками карлизма.

Образ России в испанской культуре

Конец XIX – начало XX в. в Европе ознаменовались, по выражению Ю.Л. Оболенской, «модой на все русское» [Оболенская, 2022: 110]. В первую очередь эта мода проявлялась в предпочтениях читающей публики, которая высоко ценила произведения русской классической литературы. В Испанию увлечение Россией пришло из соседней Франции, и русские классики произвели сильное впечатление на многих испанских писателей.

Мельчор Феррер

⁴ О жизни и деятельности М. Феррера см. работу Ф. Капистеги [Caspistegui, 2023: 116–118].

Так, произведения Л.Н. Толстого оказали влияние на М. де Унамуно (Miguel de Unamuno, 1864–1936) и Б. Переса Гальдоса (Benito Pérez Galdós, 1843–1920), многое почерпнувших у автора «Войны и мира» для своих исторических романов [Терещук, 2020: 120–121]. Другое произведение, пользовавшееся популярностью в Испании в конце XIX в., — «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя, повесть, которую испанские читатели интерпретировали в контексте Карлистских войн в своей стране [Оболенская, 2022: 111].

Ю.Л. Оболенская отмечает популярность в Испании сочинений русских классиков анархизма; так, в одной только Каталонии за период с 1890 г. до середины 1920-х гг. «Записки революционера» П.А. Кропоткина переиздавались более 20 раз [Оболенская, 2022: 113]. Это закономерно, ведь в эту эпоху идеи анархизма получили широкое распространение в Каталонии, особенно среди рабочих в Барселоне. Однако можно предположить, что влияние русских анархистов на историков-традиционалистов было минимальным: карлизм и анархизм сильно отличались друг от друга и в идеологическом отношении, и в отношении своей социальной базы. Как писал Э. Хобсбаум, «*the stubborn lost-cause traditionalism <...> of the Carlist Navarrese and Aragoneses is not to be sought in the slums of the big cities*» — «упорный традиционализм потерянного Дела <...> наваррских и арагонских карлистов не следует искать в трущобах больших городов» [Hobsbawm, 1963: 123].

Большой популярностью у читающей публики пользовался Ф.М. Достоевский. Любопытный пример его влияния на испанскую литературу можно отметить в эссе М. де Унамуно «Необычный русофил» («Un extraño rusófilo»), герои которого спорят в одном мадридском кафе о событиях Первой мировой войны. Напомним, что Испания сохранила нейтралитет в вооруженном конфликте, хотя руководство страны склонялось к поддержке Антанты [Аникеева и др., 2013: 183–204], при этом часть испанского общества, в том числе представители интегристского направления⁵ карлистского движения, придерживалась прогерманской ориентации [Comesaña, 2021: 250–256]. Один из персонажей текста М. де Унамуно с симпатией относится к России, хотя и признается, что знает ее только по романам Ф.М. Достоевского. Как подчеркивает В.Е. Багно, знаменательным является тот факт, что «в контексте споров аргументы русофила, точнее сказать, “достоевскофилы”, звучат наиболее убедительно» [Багно, 2022: 32]. Для героя М. де Унамуно образ «России Достоевского» заменяет образ «настоящей России», то есть реальность концептуализируется через дискурс русского автора. Подобные примеры восприятия реальности характерны не только для литературных персонажей, но и для некоторых писателей.

⁵ В 1888 г. часть карлистов во главе с Р. Носедалем (Ramón Nocedal, 1842–1907) откололась от сторонников дона Карлоса-младшего и основала Интегристскую партию, приверженцы которой позиционировали себя как истинных «хранителей» карлистской идеологии. Раскол завершился в 1932 г. воссоединением Традиционалистской и Интегристской партий.

Например, П. Бароха (Pío Baroja, 1872–1956), рассуждая о советских политических деятелях, сравнивал их с героями Ф.М. Достоевского: «Конечно, господин Молотов никакой не Макиавелли. Он больше похож на одного из этих неуклюжих управленцев, которых Достоевский так великолепно изображает в некоторых своих произведениях, например, в Степанчикове»⁶. Возможно, в данном примере писатель перепутал повесть «Село Степанчиково и его обитатели» с каким-либо другим произведением Ф.М. Достоевского, однако принципиальным в данном примере является попытка интерпретировать реалии советской жизни через русскую классическую литературу.

П. Бароха утверждал, что прочитал все произведения Ф.М. Достоевского, — «вероятно, он имел в виду все переведенное к тому времени на европейские языки», — комментирует это заявление К.С. Корконосенко [Корконосенко, 2019: 48]. Несмотря на интерес автора к России и хорошее знание русской литературы, в произведениях П. Барохи встречаются многочисленные стереотипы о нашей стране: ассоциирующаяся с холодом и снегом Сибирь — «ужасное» место ссылки, спящие в снегу пьяные крестьяне, «тургеневские девушки» как образец русского женского образа [Корконосенко, 2019: 46–48]. Впрочем, как показывают последние исследования, даже в современной западной культуре «активно действуются отсылки к стереотипам о России» [Белоглазова, 2024: 172], несмотря на то что в XXI в. существует гораздо больше источников объективной информации о русской культуре, чем на рубеже XIX–XX вв. Отметим, что П. Бароха интересовался не только творчеством Ф.М. Достоевского, но и русским анархизмом и нигилизмом: еще в молодости испанский писатель опубликовал в Сан-Себастьяне статью о М.А. Бакунине (1814–1876).

Одно из представлений о России, которое находит отражение в испанской литературе и которое представляет собой не столько стереотип, сколько объективное наблюдение, связано с идеей об огромных размерах нашей страны. Отметим, что в некоторых контекстах российские просторы рассматриваются как положительное, хотя и пугающее явление. Так, писатель XIX в. П. де ла Эскосура (*Patrício de la Escosura*, 1807–1878) в своем романе «Воспоминания отставного полковника» (*«Memorias de un coronel retirado»*, 1868) с восхищением писал о том, как в 1812 г. наполеоновская армия погибла в «бескрайних степях бывшей Московии» (*«enmensos páramos de la antigua Moscovia»*)⁷. Впрочем, П. де ла Эскосура был далек от идеализации России: в романе «Патриарх долины» (*«El Patriarca del valle»*) один из персонажей

⁶ Baroja P. La intuición y el estilo. Madrid. Caro Raggio. 1983. P. 50.

⁷ Escosura P. de la. Memorias de un coronel retirado: novela original. Madrid. Tipografía de Gregorio Estrada. 1868. P. 399.

(карлист по политическим взглядам) поступает на российскую службу, но быстро разочаровывается в нашей стране из-за «рабства народа, варварства кнута («barbarie del knut»), произвола монарха»⁸.

Для нашего исследования важен тот факт, что авторы НТЕ были прекрасно знакомы с творчеством П. Барохи, Б. Переса Гальдоса, М. де Унамуно и даже с книгами гораздо менее известного П. де ла Эскосуры (в томе XIX НТЕ приводится его краткая биография [Ferrer et al., 1941–1979, XIX: 35]). Однако ни один из этих писателей не был участником карлистского движения. В то же время для анализа образа России в текстах историков традиционалистского направления представляется релевантным рассмотреть основные тенденции изображения нашей страны в карлистском дискурсе.

Как было отмечено выше, с 1830-х гг. Российская империя поддерживала карлистское движение, поэтому закономерно, что многие из его участников положительно оценивали Россию и русскую культуру. Российский император Николай I (1825–1855) превратился в «популярную» среди карлистов фигуру. Силезский аристократ князь Ф. фон Лихновски (Felix von Lichnowsky, 1814–1848) записал в своих воспоминаниях беседу с группой каталонских карлистов в 1838 г., которые спрашивали у него, правда ли, что российской самодержец с крупной армией уже готовится перейти Пиренеи, чтобы помочь дону Карлосу выиграть войну⁹. Очевидно, что операция такого рода в конце 1830-х гг. была невозможна уже хотя бы в силу непростых российско-французских отношений на тот момент, однако симптоматичным является существование среди карлистов подобного представления.

Отметим, что подобное идеализированное восприятие Николая Павловича, по всей видимости, сохранялось среди карлистов вплоть до 1930-х гг. Так, во время Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. русский эмигрант А.П. Яремчук (1896–1985), служивший в карлистском ополчении, записал в своем дневнике следующую историю, услышанную им от своих испанских

Ф. Крюгер. Портрет Николая I.
1852

⁸ Escosura P. de la. El Patriarca del valle. Palma de Mallorca. Calima ediciones. 2009. P. 516.

⁹ Lichnowsky F. von. Recuerdos de la Guerra Carlista (1837–1839). Madrid. Espasa-Calpe. 1942. P. 248.

составленных: «Когда король Карлос потерпел поражение, то прибыл в Россию; Император Николай Первый устроил парад, Полки Императорской Гвардии проходили и приветствовали: “Здравия желаем, Ваше Королевское величество”!»¹⁰. На самом деле после поражения в Первой карлистской войне дон Карлос эмигрировал во Францию, где находился под домашним арестом, и никакого визита в Санкт-Петербург не совершил¹¹. В то же время данный пример свидетельствует о том, что представление о Николае I как о монархе, который хорошо относился к дону Карлосу и даже пригласил его в Россию, существовало среди карлистов в ХХ в. Как будет показано далее, авторы НТЕ разделяли подобное идеализированное восприятие российского императора.

Симпатии у сторонников дона Карлоса вызывала не только фигура правителя России, но и некоторые реалии русской культуры. Еще во время войны 1833–1840 гг. в Каталонии карлистами были созданы четыре эскадрона, которые получили названия «Казаки Эбро» («Cosacos del Ebro»), «Казаки Сегре» («Cosacos del Segre»), «Казаки Льобрегата» («Cosacos del Llobregat») и «Казаки Тера» («Cosacos del Ter»). Командующий карлистской армией в Каталонии граф де Эспанья (Carlos de España, 1775–1839) вдохновлялся примером казачьей конницы, эффективность действий которой должны были повторить военнослужащие этих подразделений [Ferrer et al., 1941–1979, XV: 42]. В названии каждого из эскадронов фигурировали испанские гидронимы, что свидетельствует о знакомстве графа де Эспанья с организацией казачьих войск в России (ср: донские казаки, кубанские казаки и др.). Отметим, что в 1838 г., практически одновременно с формированием данных подразделений, поэт и убежденный противник карлизма Х. де Эспронседа (José de Espronceda, 1808–1842) опубликовал стихотворение «Песнь казака», в котором развивал миф о «русской угрозе» для Европы [Багно, 2022: 28].

Висенте Лопес Портанья.
Дон Карлос. Ок. 1823

¹⁰ Яремчук А.П. Русские добровольцы в Испании 1936–1939. Сан-Франциско. Глобус. 1983. С. 13.

¹¹ О жизни лидера карлистов в эмиграции см. статью А. Паке [Pauquet, 2017].

На идеологическое формирование авторов НТЕ оказали влияние не только мифологизированные представления, распространенные в карлистском дискурсе, но и художественные тексты. В истории испанской литературы можно выделить несколько писателей, состоявших в карлистском движении. Так, депутатом от Традиционалистского объединения некоторое время был Х.М. де Переда (*José María de Pereda*, 1833–1906); классик литературы на каталанском языке М. Вайреда (*Marià Vayreda i Vila*, 1853–1903) в молодости принял участие в Третьей карлистской войне (1872–1876); писатель и журналист И.Р. Раисабаль (*Ignacio Romero Raizábal*, 1901–1975) работал личным секретарем лидера карлистов в 1936–1975 гг. дона Хавьера (*Javier de Borbón-Parma*, 1889–1977). Однако наиболее знаковой фигурой среди писателей-карлистов представляется Р.М. дель Валье-Инклан (*Ramón María del Valle-Inclán*, 1866–1936).

Вопрос о том, насколько искренне писатель поддерживал карлистское движение, вызывает споры у историков литературы. В литературоведении существует точка зрения, в соответствии с которой Р.М. дель Валье-Инклана привлекала эстетика карлизма как своего рода «потерянного Дела», но его личные политические взгляды не соответствовали идеологии движения [*Gómez de la Serna*, 2007]. Другие исследователи утверждают, что все творчество писателя пронизано карлистскими мотивами, а его приверженность карлизму вытекала из глубокого внутреннего убеждения [*Comesaña*, 2021]. Для нашего исследования принципиальными являются не личные убеждения Р.М. дель Валье-Инклана, но его влияние на историков традиционалистского направления.

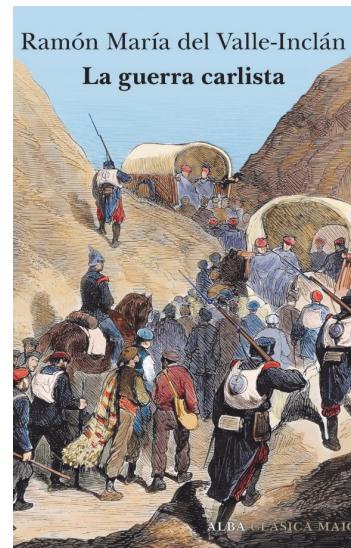
Р.М. дель Валье-Инклан, как и многие другие писатели его поколения, испытал сильное влияние русской классической литературы. Так, в посвященных писателю научных работах на русском языке отмечалось влияние «Войны и мира» Л.Н. Толстого на романный цикл «Карлистская война» (*«La guerra carlista»*) испанского автора [Корконосенко, 2021: 210]. В нескольких произведениях Р.М. дель Валье-Инклана встречаются русские персонажи. Во фрагменте романа «Выигрыш шпаг» (*«Baza de espadas»*), который вышел в 1929 г. под названием «Еще одна истинная самаритянка (Зарисовки времен королевы Изабеллы)» — *«Otra castiza de Samaria (Estampas Isabelinas)»*, а три года спустя — под наименованием «Открытое море» (*«Alta mar»*), главным героем является русский революционер (в первой версии — П.А. Кропоткин, во второй — М.А. Бакунин). В тексте произведения, действие которого происходит на корабле, вышедшем в открытое море из Кадиса, его преимущественно называют «мастер» или «апостол». В версии «Открытое море» появляется еще один русский персонаж — революционер по фамилии Глебов, чьим прототипом стал известный нигилист С.Г. Нечаев [Корконосенко, 2021: 213]. Яркие образы русских революционеров-нигилистов могли повлиять на М. Феррера и других авторов НТЕ в их описании революции в России и деятельности испанских коммунистов в 1930-е гг.

Русские персонажи появляются и в цикле «Сонаты» — серии романов Р.М. дель Валье-Инклана, посвященной фигуре вымышленного участника карлистского движения маркиза де Брадомина. Два русских путешественника упоминаются в «Летней сонате», а затем в «Зимней сонате» они оказываются на севере Испании, охваченной Третьей карлистской войной, и фанатичный священник собирается сжечь их как «еретиков». Лидер карлистов дон Карлос-младший (Carlos de Borbón y Austria-Este, 1848–1909) поручает маркизу спасти их, потому что не хочет провоцировать конфликт с Россией¹².

Россия в «Истории испанского традиционализма»

Приступая к работе над НТЕ, М. Феррер и его соавторы уже обладали определенными знаниями о России. При этом они никогда не бывали в нашей стране и не владели русским языком, их восприятие России было основано на образах, сформированных в рамках испанской культуры конца XIX – начала XX в. Кроме того, первые тома НТЕ создавались в контексте первых лет франкистской диктатуры, что также накладывало отпечаток на работу историков. На раннем этапе правления Ф. Франко история Испании (и особенно Гражданской войны 1936–1939 гг.) освещалась исключительно с позиций нового режима; определенное ослабление идеологического диктата отмечается только начиная с середины 1960-х гг. [Иванова, Немцева, 2022: 2446].

Отдельного внимания заслуживают случаи сознательного неупоминания России или ухода от темы российско-карлистских отношений в первых трех томах НТЕ, выпущенных в 1941–1942 гг. Так, в томе I, повествуя о реставрации власти Фердинанда VII (*Fernando VII de España*, 1808; 1813–1833) в 1814–1820 гг., авторы опускают вопрос о влиянии, которым пользовался при дворе российский посол Д.П. Татищев (1767–1845) [Аникеева и др., 2013: 106]. Перечисляя так называемые «Северные державы» («Potencias del norte»), которые разорвали отношения с либеральным правительством в Мадриде в 1830-е гг., М. Феррер и соавторы называют в их числе только Австрию и Пруссию, «забывая» о России [Ferrer et al., 1941–1979, III: 150]. «Неупоминание» нашей страны в данном контексте представляется странным: для современников Первой карлистской войны была очевидна

Обложка книги
Р.М. дель Валье-Инклана
«Карлистская война»

¹² Valle-Inclán R.M. *Sonata de invierno. Memorias del Marqués de Bradomín*. Madrid. Rivadeneyra. 1933. P. 137.

та роль, которую Россия играла в европейской политике. Например, княгиня Д.Х. Ливен¹³ (1785–1857) в письме главному начальнику III Отделения А.Х. фон Бенкendorфу (1782–1844) от 25 января (6 февраля) 1834 г. с полным основанием называла Российскую империю «лидером консервативной Европы»¹⁴. Другой пример — Ф. Гизо (François Guizot, 1787–1874), французский политик, занимавший ряд министерских постов в 1830–1840-е гг., который в своих воспоминаниях писал, что Николай I был «ночным кошмаром» К. фон Меттерниха (Klemens Wenzel Lothar von Metternich, 1773–1859) и не давал главе австрийского Министерства иностранных дел действовать в соответствии со своими расчетами¹⁵. Вопрос о российско-австрийских отношениях в правление Николая I выходит за рамки настоящей статьи; для нас имеет значение тот факт, что и знаменитая «дипломатическая прорицательница», и ее близкий друг, много лет руководивший французской внешней политикой¹⁶, оценивали Россию как одну из наиболее влиятельных стран в Европе.

Можно предположить, что желание минимизировать упоминания о влиянии России на события в Испании объясняется внешнеполитической обстановкой на момент публикации первых трех томов НТЕ. После нападения нацистской Германии на СССР в 1941 г. Испания хотя и не вступила в войну, но заняла благожелательную по отношению к Гитлеру позицию и отправила на Восточный фронт дивизию добровольцев (более известную как «Голубая», или «Синяя», дивизия). Однако в 1943 г., когда Ф. Франко понял, что ход Второй мировой войны складывается в пользу союзников, «Голубая дивизия» была возвращена домой, а Испания начала дистанцироваться от Германии [Payne, 2008; Аникеева и др., 2013: 279–283, 289–296]. Соответственно, в период испано-германского сближения в 1941–1942 гг. писать что-либо о возможном влиянии России на испанских карлистов или их предшественников было неприемлемо по идеологическим соображениям¹⁷ (напомним, что после Декрета об объединении 1937 г. карлисты вошли в Национальное движение, возглавляемое самим Ф. Франко)¹⁸. Но в 1943 г. М. Ферреру уже ничто не мешает писать о «тесном союзе» Австрии, Пруссии и России, симпатизировавших дону Карлосу [Ferrer et al., 1941–1979, IV: 37].

¹³ Д.Х. Ливен — супруга российского посла в Лондоне Х.А. Ливена (1774–1838), пользовавшаяся огромным влиянием в дипломатических кругах в Европе.

¹⁴ Robinson L.G. (ed.) *Letters of Dorothea, Princess Lieven, during her Residence in London, 1812–1834*. London, New York, Bombay. Longmans, Green, and Co. 1902. P. 370.

¹⁵ Guizot F. *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*. T. IV. Paris. Michel Lévy frères. 1861. P. 23.

¹⁶ О фигуре Ф. Гизо см. статью Н.П. Таншиной [Tanshina, 2021].

¹⁷ «Россия виновна!» — провозгласил 24 июня 1941 г. министр иностранных дел Испании Р. Серрано Суньер, выступая в поддержку германского нападения на СССР. Эта фраза стала популярным слоганом во франкистской Испании в 1940-е гг. [Payne, 2008: 138–139].

¹⁸ Аналогичный пример — изданные в 1942 г. воспоминания Ф. фон Лихновски. В предисловии, написанном историком Х.М. Асконой, среди стран, помогавших дону Карлосу в войне 1833–1840 гг., упоминаются Австрия, Сардиния и Пруссия, однако о России автор «забыл». Lichnowsky F. von. *Recuerdos de la Guerra Carlista* (1837–1839). Madrid. Espasa-Calpe. 1942. P. 9.

В томах, вышедших после 1943 г., НТЕ уже обращается к российской линии в истории карлизма без каких-либо цензурных ограничений. В тексте можно проследить отношение М. Феррера и его соавторов к тем или иным политическим деятелям. Их любимым правителем в истории России является Николай I. М. Феррер пишет о симпатии, которую российский император испытывал по отношению к карлистам [Ferrer et al., 1941–1979, XIII: 9], и о финансовой помощи, которую Николай I оказывал графу де Монтемолин (*Carlos Luis de Borbón y Braganza, 1818–1861*) — сыну дона Карлоса и лидеру карлистов в 1845–1861 гг. [Ferrer et al., XIX: 122]. Отметим, что материальная поддержка оказавшихся в эмиграции представителей карлистской ветви династии Бурбонов со стороны российских властей была столь значимой, что американская историк А. Вильхельмсен с полным основанием называет Николая I «благодетелем» («*benefactor*») дона Карлоса и его семьи [Wilhelmsen, 2021: 72]. В XX томе упоминаются слухи, циркулировавшие в Испании в 1849–1850 гг., в соответствии с которыми российский монарх собирался поддержать очередное восстание карлистов и восстановить на троне «легитимную» ветвь династии Бурбонов [Ferrer et al., 1941–1979, XX: 54–55].

В конце каждого тома НТЕ идет обитуарий («*obituario*») — список скончавшихся за рассмотренный период лиц, который сопровождается краткими комментариями. Николай I там охарактеризован как «большой друг карлистского дела» [Ferrer et al., 1941–1979, XX: 251]. При этом авторы НТЕ были плохо знакомы с российской историей: так, подчеркивая достижения Николая Павловича, они отмечают, что в его правление произошла отмена крепостного права [Ferrer et al., 1941–1979, III: 44]¹⁹. Остальные российские монархи в обитуарии перечислены просто с указанием их титула; про Александра II (1855–1881) и Николая II (1894–1917) сообщается также, что первый был убит «нигилистами» [Ferrer et al., 1941–1979, XXVIII, vol. II: 282], а второй — «коммунистами» [Ferrer et al., 1941–1979, XXIX: 354].

Сложную оценку авторы НТЕ дают Александру I (1801–1825), называя его «сочетанием идеолога и деспота» и при этом «одной из самых интересных фигур в российской истории» [Ferrer et al., 1941–1979, II: 89]. Они подчеркивают, что именно российский император стал главным инициатором создания Священного союза, и проводят прямую связь между идеями Александра I и карлизмом. «Если бы в Испании воцарился Карлос V [дон Карлос. — А.Т.], то можно было сохранить последние остатки Священного союза», — пишут М. Феррер и соавторы и добавляют, что «в Вергаре была похоронена контрреволюционная идея монархической солидарности, которую ранее поддерживали Австрия, Россия и Пруссия» [Ferrer et al.,

¹⁹ Впрочем, в томе XXI авторы исправятся и укажут, что крепостное право все-таки отменил Александр II, но при этом они ошибутся с годом и датируют реформу 1863 годом [Ferrer et al., 1941–1979, XXI: 45].

1941–1979, XVIII: 158–159].

Договор в Вергаре, завершивший боевые действия на севере Испании в 1839 г., воспринимается авторами не просто как катастрофа для карлистского движения, но как событие общеверопейского масштаба²⁰.

Закономерно, что на страницах НТЕ превалируют положительные оценки России, которая неоднократно упоминается как одна из стран,

поддерживавших карлистское движение. Российская империя называется «дружественной нацией» [Ferrer et al., 1941–1979, XVI: 42, 65] и «страной, расположенной к карлизму» [Ferrer et al., 1941–1979, XVII: 134]. М. Феррер указывает, что в начале 1839 г. российский министр иностранных дел К.В. Нессельроде (1780–1862) выступил инициатором проведения мирной конференции для решения вопроса о наследовании престола в Испании и завершения Первой карлистской войны. По словам авторов НТЕ, данная идея была отклонена Англией, но в случае проведения конференции «несомненно, что она пошла бы на пользу карлистскому Делу» [Ferrer et al., 1941–1979, XVI: 142]. Показывая симпатии карлистов к России, М. Феррер затрагивает тему, обсуждавшуюся на страницах карлистских газет в начале 1850-х гг. (в том числе и в главном печатном органе движения — газете «La Esperanza»). Принимая во внимание «революционную опасность» в Италии, предлагалось перенести резиденцию римского папы из Рима в Санкт-Петербург, превратив российскую столицу в «настоящий город Святого Петра». М. Феррер комментирует это предложение, отмечая, что оно может удивить человека, знакомого с современной ситуацией (т.е. с реалиями СССР начала 1950-х гг.) [Ferrer et al., 1941–1979, XX: 193].

Во время Крымской войны (1853–1856) Испания сохранила нейтралитет, несмотря на попытки Англии и Франции привлечь ее к войне против России [Аникеева и др., 2013: 138]. НТЕ рассказывает о кампании в карлистской прессе против вступления в конфликт с Российской империей, которая, по словам М. Феррера, была «христианской страной», пытавшейся защитить «христиан-схизматиков», хотя при этом и «искавшей выход в Средиземное море» [Ferrer et al., 1941–1979, XX: 188]. Впрочем, в НТЕ также приводят-

Договор в Вергаре

²⁰ Перевод текста договора на русский язык см. в нашей книге «За Бога, Родину и Короля: военно-политическая история раннего карлизма» [Терещук, 2023а: 399–401].

ся выдержки из статьи в газете «La Cruz», автор которой, видный карлистский публицист Л. Карбонеро (León Carbonero y Sol, 1812–1902), вспоминал о том, что англичане заняли Гибралтар, помогли кристинос²¹ в Первой карлистской войне и способствовали тому, что Испания потеряла свои колонии в Новом Свете. По этой причине вступление Испании в Крымскую войну на стороне Англии было для него неприемлемо. При этом автор статьи критиковал Россию, не оказавшую реальной военной помощи дону Карлосу в 1833–1840 гг., и задавал риторические вопросы: «Что сделала Россия после поражения дона Мигеля [в Португалии в 1834 г. — А.Т.]? Что сделала, когда дон Карлос был вынужден бежать из страны?» [Ferrer et al., 1941–1979, XX: 189–190]²². Таким образом, авторы НТЕ показывают, что, по крайней мере, часть карлистов выступала за нейтралитет не из симпатий к России, но по причине своей антианглийской позиции.

Направление политики Российской империи, которое вызывает критику у М. Феррера, — польский вопрос. В противостоянии польских католиков с российскими властями симпатии создателей НТЕ, конечно, на стороне поляков²³. Они называют православных «схизматиками» [Ferrer et al., 1941–1979, XII: 27] и пишут о том, что Польша пыталась «освободиться от российского ига» [Ferrer et al., 1941–1979, VIII: 113], а поляки являются жертвами преследования в России [Ferrer et al., 1941–1979, X: 86]. Впрочем, польская тема лишь несколько раз упоминается в НТЕ, и ее авторы далеки от идеализации Польши. Так, они рассказывают о злоупотреблениях «польского министерства» — под таким неофициальным наименованием вошло в историю министерство Л.Х. Сарториуса (Luis José Sartorius, 1820–1871), председателя Совета министров Испании в 1853–1854 гг., про которого ходили слухи о польском происхождении его фамилии. М. Феррер пишет, что слово «польский» стало синонимом произвола [Ferrer et al., 1941–1979, XX: 31]. Можно предположить, что если бы авторы НТЕ были горячими сторонниками польской независимости, то вряд ли бы стали включать в свою работу подобный фрагмент.

Еще один момент в российской истории, вызывающий критику авторов НТЕ, — это революция 1917 г., которую они именуют «кровавой красной оргией» [Ferrer et al., 1941–1979, XXIX: 22]. В то же время опыт революции

²¹ Относительно вопроса об употреблении формы мн. ч. «кристинос» вместо часто встречающейся в русскоязычной литературе «кристиносы» см.: [Терещук, 2023а: 32].

²² В данном случае напрашивается параллель со статьей «Никаких испанцев!», которую написал русский военный историк-эмигрант А.А. Керновский (1905–1944) в 1936 г., выступая против участия добровольцев из числа белых эмигрантов в Гражданской войне в Испании: «Что делали тогда [в 1917–1920 гг. — А.Т.] эти посылающие нам сейчас свой привет г.г. испанские офицеры? Где они были тогда? — Под Тихорецкой? Армавиром? Царицыном? Харьковом? Или, быть может, под Киевом и Орлом? Во всяком случае, опоздав к Московскому походу, они успели, конечно, прибыть к перекопским боям?» [Семенов, 2016: 178–179].

²³ В 1838 г., во время переговоров между Николаем I и представителем карлистов бароном де лос Вальес (Louis Xavier Auguet de Saint-Sylvain, barón de los Valles, 1796–1857), барон сказал, что действия российского императора в Польше в 1830–1831 гг. — настоящий пример для подражания для дона Карлоса [Терещук, 2023а: 390–397].

в России заслуживает изучения: по мнению М. Феррера и его соавторов, если бы испанские военные, готовившие выступление против Второй республики в 1936 г., были лучше знакомы с событиями 1917 г., «некоторых неудачных моментов в ходе восстания удалось бы избежать» [Ferrer et al., 1941–1979, XXX: 149]. В частности, участники восстания переоценили значение артиллерии и пулеметов в борьбе за контроль над крупными городами, «как если бы не было событий русской революции 1917 г.» [Ferrer et al., 1941–1979, XXX: 184].

Закономерно, что авторы НТЕ, выступавшие с консервативных позиций, негативно оценивали политику СССР в Испании. Отметим, что в испанском политическом дискурсе 1930–1940-х гг. лексема «русский» могла использоваться как синоним к слову «коммунист» [Jackson, 1965]. В XXX томе, посвященном предпосылкам Гражданской войны в Испании, Советский Союз часто называется «Россией». М. Феррер пишет, что «сползание в сторону России было очевидным» и что «Испания затягивалась на русскую орбиту» [Ferrer et al., 1941–1979, XXX: 148]. Описывая митинг сторонников Народного фронта, авторы отмечают, что участники разразились криками «Да здравствует Россия!»²⁴ [Ferrer et al., 1941–1979, XXX: 144]. Впрочем, НТЕ не ставит знак равенства между словами «русский» и «коммунист». Так, авторы отмечают, что карлистский претендент на престол дон Хайме различал революционеров и «добрый русский народ» [Ferrer et al., 1941–1979, XXIX: 21].

* * *

Подводя итоги, можно отметить, что в испанской традиционалистской историографии сформировался положительный образ Российской империи как страны, в которой карлисты видели одного из своих главных заграничных союзников. Исключением являются тома I–III, выпущенные в 1941–1942 гг., в период сближения между нацистской Германией и Испанией. В контексте участия испанских солдат в войне против СССР авторы старались минимизировать упоминания о возможном влиянии России на карлистское движение (которое в официальной историографии франкистского режима рассматривалось как «идеологический предшественник» Национальной Испании Ф. Франко). Однако начиная с тома IV, опубликованного в 1943 г., когда Испания начала дистанцироваться от Германии, в труде М. Феррера и соавторов уже преобладают положительные или нейтральные оценки России.

²⁴ Интересно, что в XIX в. лексема «ruso», наоборот, ассоциировалась с крайними правыми взглядами. В 1822 г. лозунгом участников восстания в Сервере против либеральных властей была фраза «Да здравствуют русские и смерть Конституции!» («¡Vivan los rusos y muera la Constitución!») [Sánchez Carcelén, 2021: 17]. Как показывают последние исследования, посвященные «русско-центристическому дискурсу», среди основных когнитивных доминант в описаниях России (в текстах на английском языке) выделяется мотив «власть» [Белоглазова, Каменева, 2024: 15]. Можно предположить, что аналогичные результаты будут получены и при анализе испаноязычного дискурса.

Единственным вопросом в политике Российской империи, вызывавшим критику у авторов, была польская проблема: на страницах НТЕ несколько раз упоминается борьба поляков за независимость, при этом для описания России в контексте польского вопроса употребляются лексемы с негативными коннотациями. Поляки вызывают симпатию у М. Феррера как католики, оказавшиеся под властью православных «схизматиков». При этом, естественно, тема польской независимости, не имеющая прямого отношения к истории карлизма, является периферийной для НТЕ, и польский вопрос упоминается на страницах тридцатитомника всего несколько раз.

Симпатии у М. Феррера вызывают не только Россия в целом, но и фигуры ее руководителей. Лучшим российским правителем, по мнению авторов НТЕ, был Николай I, которого они охарактеризовали как «большого друга карлистского дела». Такая оценка обусловлена как политическими взглядами Николая Павловича, так и той дипломатической и финансовой поддержкой, которую он оказывал дону Карлосу. Кроме того, в качестве идеологического предшественника карлизма в НТЕ называется Александр I: авторы подчеркивают его роль в создании Священного союза и представляют карлистское движение в 1830-е гг. как последнюю попытку реализовать идеалы Священного союза.

Принимая во внимание политические взгляды авторов НТЕ, представляется закономерным их отношение к революции в России. М. Феррер, Д. Техера и Х.Ф. Аседо не только осуждают события 1917 г., используя эмоционально окрашенную лексику для их характеристики («кровавая красная оргия»), но и критируют политику СССР в Испании в 1930-е гг.

НТЕ представляет собой довольно субъективную работу, в которой сильно заметны симпатии и антипатии его авторов. Однако дальнейшая работа с данным текстом может быть релевантной для изучения основных тенденций развития испанской историографии в период франкизма, а также для анализа идеологической эволюции карлистского движения.

Список литературы / References

Айусо Торрес М. (2019) Карлизм и испанская политическая традиция: вчера и сегодня, *Антиномии*, Т. 3, № 19, с. 59–83. DOI: 10.24411/2686-7206-2019-00003.

Ayuso Torres M. (2019) Karlizm i spanskaia politicheskaiia traditsia: vchera i segodnia [Carlism and Spanish Political Tradition: Yesterday and Today], *Antinomii*, vol. 3, no. 19, pp. 59–83. DOI: 10.24411/2686-7206-2019-00003. (In Russian)

Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П. (2013) *История внешней политики Испании*, Москва, Международные отношения, 504 с.

Anikeeva N.E., Vedyushkin V.A., Volosyuk O.V., Mednikov I.Y., Pozharskaya S.P. (2013) *Istoriya vneshej politiki Ispanii* [The History of Foreign Policy of Spain], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 504 p. (In Russian)

Багно В.Е. (2022) Русская тема и русские темы в испанской литературе, *Chinese Journal of Slavic Studies*, т. 2, № 1, с. 23–38. DOI: 10.1515/cjss-2022-0006.

Bagno V.E. (2022) Russkaia tema i russkie temy v ispanskoi literature [Russian Theme and Russian Themes in Spanish Literature], *Chinese Journal of Slavic Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 23–38. DOI: 10.1515/cjss-2022-0006. (In Russian)

Белоглазова Е.В. (2024) Russia как инолингвокультурный концепт в текстах массовой культуры, *Англистика в третьем тысячелетии: новые подходы и пути развития*, под ред. И.В. Зыковой, О.Г. Дубровской, Минск, Республиканский институт высшей школы, с. 171–172.

Beloglazova E.V. (2024) Russia kak inolingvokulturni kontsept v tekstah massovoi kultury [Russia as an Exocultural Concept in Mass Culture], in I.V. Zykova, O.G. Dubrovskaya *Anglistika v tretiem tysiacheletii: novye podhody i puti razvitiia*, Minsk, Respublikanskii institut vysshei shkoly, pp. 171–172. (In Russian)

Белоглазова Е.В., Каменева А.Д. (2024) Новации и вариативность современного англоязычного русско-центрического дискурса: pilotное корпусное исследование, *Вестник Череповецкого государственного университета*, № 2, с. 7–18.

Beloglazova E.V., Kameneva A.D. (2024) Novatsii i variativnost sovremennogo angloyazychnogo russko-tsentricheskogo diskursa [Innovations and variability of modern Englishlanguage Russia-centred discourse: a pilot corpus study], *Cherepovets State University Bulletin*, no. 2, pp. 7–18. (In Russian)

Василенко Ю.В. (2016) Генезис карлизма и проблемы типологии испанского консерватизма, *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, т. 16, № 1, с. 92–111.

Vasilenko Y.V. (2016) Genezis karlizma i problemy tipologii ispanskogo konservativizma [Genesis of Carlism and problems of typology of Spanish conservatism], *Nauchny ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 16, no. 1, pp. 92–111. (In Russian)

Василенко Ю.В. (2019) Карлизм в Испании XIX в.: война и проблемы политico-идеологической эволюции, *Проблематика войны в гуманитарных науках. Сборник трудов второй всероссийской конференции «Проблематика войны в гуманитарных науках: история и перспективы исследования»*, под ред. А.Д. Куманькова, С.Е. Любимова, М.А. Сидоровой, Санкт-Петербург, Аleteя, с. 33–44.

Vasilenko Y.V. (2019) Karlizm v Ispanii 19 veka: voina i problemy politiko-ideologicheskoi evoliutsii [Carlism in the 19th Century Spain: War and Problems of Political and Ideological Evolution], in A.D. Kuman'kov, S.E. Lyubimov, M.A. Sidorova (eds.) *Problematika vojny v gumanitarnykh naukah. Sbornik trudov vtoroj vserossijskoj konferencii «Problematika vojny v gumanitarnykh naukah: istoriya i perspektivy issledovaniya»* [War Problems in Humanities. Proceedings of the Second All-Russian Conference «War Problems in Humanities: History and Perspectives of Study»], Saint Petersburg, Aleteya, pp. 33–44. (In Russian)

Волосюк О.В. (2015) Испания и Россия во второй половине XIX века: конфронтация, диалог или альянс?, *Новая и новейшая история*, № 2, с. 143–153.

Volosyuk O.V. (2015) Ispania i Rossia vo vtoroi polovine 19 veka: konfrontatsia, dialog ili alians? [Spain and Russia in the Second Half of the 19th Century: Confrontation, Dialogue, or Alliance?], *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 2, pp. 143–153. (In Russian)

Иванова Н.В., Немцева К.И. (2022) Система персонажей как способ оценки событий гражданской войны в Испании в романе Хавьера Серкаса «Царь теней», *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, т. 15, вып. 8, с. 2445–2450. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20220421>.

Ivanova N.V., Nemtseva K.I. (2022) Sistema personazhei kak sposob otsenki sobytiy grazhdanskoi voiny v Ispanii v romane Haviera Serkasa "Tsar tenei" [System of Characters as a Way of Assessing the Events of the Spanish Civil War in Javier Cercas' Novel "Lord of All the Dead"], *Philology. Theory & Practice*, vol. 15, iss. 8, pp. 2445–2450. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20220421>. (In Russian)

Корконосенко К.С. (2019) Русские имена и реалии в произведениях Пио Барохи, *Русская литература*, № 3, с. 42–49. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-42-49.

Korkonosenko K.S. (2019) Russkie imena i realii v proizvedeniyah Pio Baroja [Russian Names and Realities in the Works By Pio Baroja], *Russkaia literatura*, no. 3, pp. 42–49. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-42-49. (In Russian)

Корконосенко К.С. (2021) Русские персонажи в творчестве Рамона дель Валье-Инклана, *Русская литература*, № 2, с. 210–214. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-210-214.

Korkonosenko K.S. (2021) Russkie personazhi v tvorchestve Ramona del Valle-Inclana [Russian Characters in the Works of Ramón Del Valle-Inclán] *Russkaia literatura*, no. 2, pp. 210–214. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-210-214. (In Russian)

Оболенская Ю.Л. (2022) Влияние русской литературы на духовную жизнь Испании в XX–XXI вв., *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, № 6, с. 109–123.

Obolenskaya Yu.L. (2022) Vlianije russkoi literature na duhovnuiu zhizn Ispanii v 20–21 vv. [The Influence of Russian Literature on the Spiritual Life of Spain in the 20th–21st Centuries], *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 109–123. (In Russian)

Протасенко С.В. (2008) Испанский карлизм: идеология и практика, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*, № 2, с. 94–99.

Protasenko S.V. (2008) Ispanski karlizm: ideologija i praktika [Spanish Carlism: ideology and practice], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriia 6. Filosofija. Kulturologija. Politologija. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniia*, no. 2, pp. 94–99. (In Russian)

Семенов К.К. (2016) *Русская эмиграция и гражданская война в Испании 1936–1939 гг.*, Москва, Алгоритм, 256 с.

Semionov K.K. (2016) *Russkaya emigraciya i grazhdanskaya vojna v Ispanii 1936–1939 gg.* [Russian Emigration and The Spanish Civil War 1936–1939], Moscow, Algoritm, 256 p. (In Russian)

Терещук А.А. (2020) Роман Бенито Переса Гальдоса «Сумалакарреги» и трансформации исторических мифов в литературе, *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, т. 12, № 2, с. 120–129. DOI: 10.17072/2073-6681-2020-2-120-129.

Tereshchuk A.A. (2020) Roman Benito Peresa Galdosa «Sumalakarregi» i transformatsii istoricheskikh mifov v literature [The Novel 'Zumalacárregui' by Benito Pérez Galdós and Transformations of Historical Myths in Literature], *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, vol. 12, no. 2, pp. 120–129. DOI: 10.17072/2073-6681-2020-2-120-129 (In Russian)

Терещук А.А. (2023а) *За Бога, Родину и Короля: военно-политическая история раннего карлизма*, Москва, Спасское дело, 416 с.

Tereshchuk A.A. (2023a) *Za Boga, Rodinu i Korolya: voenno-politicheskaya istoriya rannego karlizma* [For God, for the Fatherland, and for the King: Military and Political History of Early Carlism], Moscow, Spasskoe delo, 416 p. (In Russian)

Терещук А.А. (2023б) Языковые особенности освещения Первой Карлистской войны в Испании российской прессой, *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*, т. 33, № 4, с. 737–745. DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-737-745.

Tereshchuk A.A. (2023b) *Yazykovye osobennosti osveschenia Pervoi Karlistskoi voiny v Ispanii rossiyskoi pressoi* [Linguistic Characteristics of Covering the First Carlist War in Spain by the Russian Press], *Vestnik Udmutskogo universiteta, seria: istoria i filologiya*, vol. 33, no. 4, pp. 737–745. DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-4-737-745. (In Russian)

Albi de la Cuesta J. (2017) *El Ejército carlista del Norte (1833–1839)* [The Carlist Army of the North (1833–1839)], Madrid, Desperta Ferro, 496 p. (In Spanish)

Caspistegui F.J. (2023) En las trincheras de la prensa carlista: periodismo y militancia en el siglo XX [Inside the Carlist press trenches: journalism and militancy during the XXth century], *Pasado y Memoria. Revista de Historia Contemporánea*, no. 26, pp. 101–123. DOI: <https://doi.org/10.14198/pasado.22956>. (In Spanish)

Comeña A. (2021) *Tinta, Tierra y Tradición. Ramón María del Valle-Inclán y el carlismo* [Ink, Land and Tradition. Ramón María del Valle-Inclán and Carlism], Madrid, Reino de Cordelia, 880 p. (In Spanish)

Ferrer M., Tejera D., Acedo J.F. (1941–1979) *Historia del Tradicionalismo Español*. 30 Tomos [History of Spanish Traditionalism. 30 Volumes], Sevilla, Ediciones Trajano. (In Spanish)

Gómez de la Serna R. (2007) *Don Ramón María del Valle-Inclán*, Barcelona, Espasa, 240 p. (In Spanish)

Hibbs-Lissorgues S. (2021) «Sueños nocturnos» y retropías en el tradicionalismo español [«Night dreams» and retropias in Spanish traditionalism], *Pasado y Memoria*, no. 23, pp. 139–159. DOI: <https://doi.org/10.14198/PASADO2021.23.06>. (In Spanish)

Hobsbawm E.J. (1963) *Primitive Rebels. Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries*, New York, Praeger, 208 p.

Jackson G. (1965) *The Spanish Republic and the Civil War, 1931–1939*, Princeton, Princeton University Press, 600 p.

Lawrence M. (2014) *Spain's First Carlist War, 1833–40*, Basingstoke, Palgrave Macmillan, 284 p.

Lawrence M. (2017) *The Spanish Civil Wars: A Comparative History of the First Carlist War and the Conflict of the 1930s*, London, Bloomsbury, 256 p.

Ochoa Brun M.A. (2017) *Historia de la diplomacia española. Vol. XI* [History of Spanish diplomacy. Vol. XI], Madrid, Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación, 696 p. (In Spanish)

Oyarzún R. (1969) *La historia del carlismo* [History of Carlism], Madrid, Alianza Editorial, 553 p. (In Spanish)

Pauquet A. (2017) L'exil français de Don Carlos [The French exile of Don Carlos], *Aportes*, no. 93, pp. 7–29. (In French)

Payne S.G. (2008) *Franco and Hitler: Spain, Germany, and World War II*, New Haven, Yale University Press, 328 p.

Sánchez Carcelén A. (2021) ¡Muera la Constitución! Cervera y la rebelión realista de 1822–1823 [Death to the Constitution! Cervera and the royalist rebellion of 1822–1823], *Aportes*, no. 106, pp. 7–46. (In Spanish)

Tanshina N.P. (2021) François Guizot: The Historian in Politics, *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 66, no. 4, pp. 1161–1176. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701-spbu02.2021.408>.

Toledano González L.F. (2021) El tradicionalisme polític antiliberal: els carlins catalans [Antiliberal political traditionalism: The Catalan Carlists], *Catalan Historical Review*, no. 14, pp. 179–195. (In Catalan)

Urquijo Goitia J.R. (1988) El carlismo y Rusia [Carlism and Russia], *Hispania: Revista española de historia*, vol. 48, no. 169, pp. 599–624. (In Spanish)

Urquijo Goitia J.R. (2018) Isabel II ante Rusia: de la ruptura al reconocimiento [Isabella II and Russia: from rupture to recognition], in O. Volosyuk (dir.) *España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones* [Spain and Russia: diplomacy and dialogue of cultures. Three centuries of relationships], Moscow, Indrik, pp. 623–627. (In Spanish)

Wilhelmsen A. (2021) María Teresa de Braganza Borbón, Princesa de Beira: una Infanta valiente en el siglo XIX [María Teresa de Braganza Borbón, Princess of Beira: a Brave Infanta in the 19th Century], *Aportes*, no. 105, pp. 7–107. (In Spanish)